Кризисные сценарии как объект научного анализа

Аманжолова Д.А.

В 2002 году вышла одна из многих книг об одной из вечных проблем человечества – конфликтах, которые не покинули мир, перешедший в 21-е столетие [1]. Авторы приводят такие данные: за 1946-2000 годы в мире произошли 262 вооруженных конфликта. 202 из них были внутригосударственными, 41 - межгосударственными и 19 - «экстрасистемными» (когда то или иное «правительство действует за пределами собственной территории против другого правительства или неправительственной группы, или может действовать на значительном удалении от их территории или основных баз»). Доля межгосударственных конфликтов при этом к новому веку заметно снизилась (из 56 наиболее крупных вооруженных конфликтов 1990-2000 гг. лишь 3 были межгосударственными войнами: вторжение Ирака в Кувейт в 1990 г., столкновения между Индией и Пакистаном, между Эфиопией и Эритреей в конце 1990-х гг.), причем обнаружилась их теснейшая взаимосвязь с процессами глобализации.

Однако общее число и интенсивность конфликтов всех видов после 1946г. неуклонно возрастало. Пика эти показатели (втрое выше ежегодного уровня начала холодной войны) достигли в 1981-1992 гг. После 1992г. среднегодовое количество и интенсивность конфликтов превысили этот уровень вдвое. Конфликты 1990-2000 гг. «достигли степени жестокости, невиданной в наше время». В них погибли 5 миллионов гражданских лиц, в том числе около 2 миллионов детей; 6 миллионов молодых людей стали инвалидами. Конфликты сделали беженцами 30 млн. чел., более половины из них моложе 18 лет. Более 300 тысяч детей стали солдатами (*childsoldiers*) официальных вооруженных сил и участниками бандформирований [1.С. 9-11, 29, 31, 81-82].

Западные авторы, находясь под сильным впечатлением трагедии 11 сентября 2001 г. в США, правомерно признали экстрасистемные конфликты основными в современную эпоху. Однако непреложный факт разнообразия мира, его растущей многополярности и столь же быстро растущего стремления народов и стран развиваться в соответствии с собственными традиционными ценностями и приоритетами почему-то забывается. Авторы во всех случаях стремятся обосновать единственно верную, на их взгляд, версию: мир должен безоговорочно признать доминирование западной политической и экономической системы и, конечно, приняв ее как единственно возможный образец, подчиниться диктуемым ею правилам игры. Оправдание колониализма и империализма (теперь с приставками "нео" - , современный) - неизменная черта западной цивилизации?

Спустя более чем десятилетие, когда все попытки западного мира во главе с США навязать Афганистану, Ираку, Ливии, Сирии свои стандарты демократии и либеральные ценности провалились и лишь ввергли эти государства в глубочайший кризис, опасный для всех других стран, западные политики с упорством, достойным совсем другого применения, продолжают твердить о превосходстве собственной модели развития и обязательной необходимости ее воплощения в жизнь тотально и повсюду. Вот и совсем свежий пример «демократической» европеизации – Украина… Вряд ли он может стать привлекательным хотя бы для кого-нибудь из здравомыслящих людей.

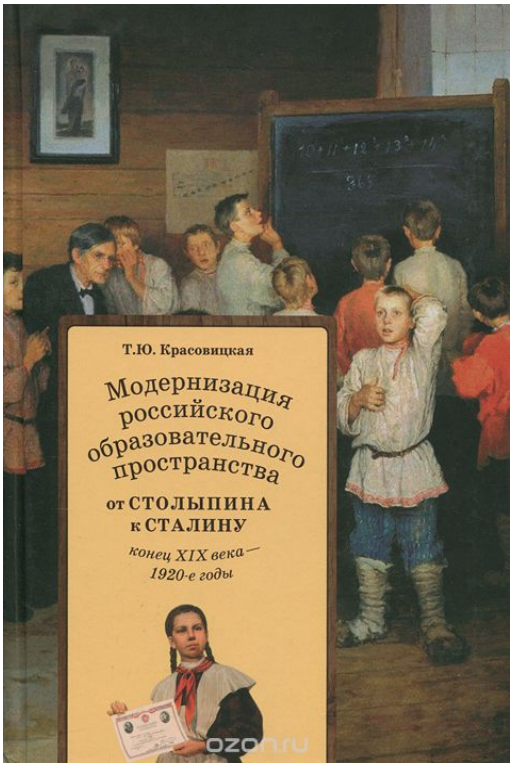
Весьма показательно, что один из авторов упоминает о сомнениях в отношении «ориентации» России, которая наконец-то доказала свое право быть с Западом, выразив готовность сотрудничать после 11 сентября [1.С.17]. Вся проблема лишь в том, что Россия ВСЕГДА боролась и будет бороться против террора, расизма, фашизма и ксенофобии. Это не конъюнктурная позиция по случаю, пусть даже такому страшному, как в Нью-Йорке, а системная основа духовной, социально-культурной и государственной жизни

России. Она не зависит от желания понравиться кому-то или получить некие политические и иные бонусы. Слишком дорогую цену заплатили наши народы за тоталитарный опыт сталинизма, еще бо̀льшую – за освобождение своей страны и мира, прежде всего той самой Европы, от фашизма.

Вспоминается в связи с этим любопытный эпизод. Экскурсовод рассказывала нашей группе преподавателей, в дни конференции во Франции посетившей Фонтенбло, об истории этого известного места. Я, удивляясь неугасающему трепету французов в отношении всего, что касается безуспешно пытавшегося установить мировое господство Наполеона, спросила у нее, что было с этим прекрасным ансамблем, да и с другими во время оккупации ее страны фашистами. Ответ был потрясающий для наших соотечественников: они НИЧЕГО не разрушали. Я не могла не заметить: «А вот у нас они уничтожали все лучшее, и везде, куда приходили, даже чернозем вывозили из плодородных областей…». Экскурсовод замялась и перешла к истории архитектурных деталей дворца.

Разумеется, "опыт – сын ошибок трудных", как точно выразился наш гениальный поэт, полезен, в т.ч. западноевропейский, и уж тем более в условиях кризиса. К тому же реальная глобализация связала накрепко весь мир, и кризисные явления в такой огромной и важной стране, как Россия, не могут не влиять на наших соседей и партнеров, даже мнящих себя знатоками и менторами в обеспечении светлого будущего и своими «демократическими» действиями усложняющих положение нашей страны.

Но, как показывают исследования отечественных ученых, собственный богатейший исторический опыт дает множество замечательных примеров и поучительных уроков того, как следует и как не следует действовать в трудных и весьма драматических обстоятельствах. Самым тяжелым и даже трагическим оказался XX век: четыре революции и две мировые войны, развал великой державы – это способны пережить и выстоять, наверно, только наши народы.

Монография Т.Ю. Красовицкой

За последние годы вышло немало серьезных трудов, посвященных разным периодам российской истории [2]. Особый интерес представляют работы, посвященные прошлому веку. Так Т.Ю. Красовицкая обратилась в своей монографии, кажется, совсем не к главным для кризисного состояния вопросам модернизации образования в этнокультурном его контексте [3]. Но уже то, что анализируется трансформация образовательного пространства на сломе времен и жизней, когда рушилась Российская империя и создавался СССР, делает исследование весьма злободневным. Специфика отечественной культуры и образовательных практик, в частности, состояла в сосуществовании «с разной степенью конфликтности»государственных школ и школ, работавших «в рамках всех мировых конфессий» [3. С.5], что понятно в связи с полиэтничностью и многорелигиозностью как постоянными факторами российского прошлого, настоящего и будущего.

Скрупулезно анализируя огромный корпус различных источников, документов, свидетельств, воспоминаний, сравнивая два «антикризисных» плана преобразования образовательных систем, связанных с именами

крупнейших политиков – П.А. Столыпина и И.В. Сталина, автор сразу же замечает: если Столыпин не затрагивал религию, то Сталин проводил в жизнь атеистический, интернационалистский, социально-классовый проект. При этом справедливо предлагается задуматься не над тем, как в очередной раз «ломать» традицию, а как «примирить» с ней инновацию [3.С.8, 12].

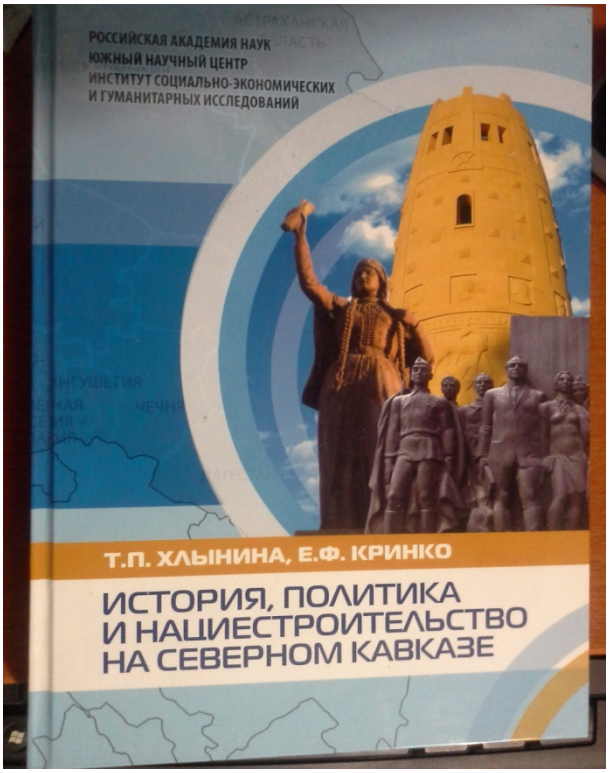
В поле зрения историка – не только собственно компоненты образовательных систем в столыпинском и советском проектах модернизации. Их анализ невозможен без обращения к важной роли этнических элит, роль которых в прошлом столетии быстро выросла и сохраняется по сей день, к вероисповедным и языковым проблемам, к деятельности государственных институтов и конкретных персонажей. Основными концептуальными понятиями, вокруг которых складывается освещение конкретных исторических сюжетов, являются традиция и модернизация. Действительно, именно их взаимодействие составило самый сложный узел, в котором сплелись научные дискуссии, социально-психологические мотивы, программы и действия активистов национальных движений, политические и организационные усилия государственных структур и лиц. Это взаимодействие развивалось в условиях революционного кризиса, краха имперской государственности и строительства новой, советской на фоне преодоления тягот первой мировой, хаоса революции и гражданской войны.

Особенно интересны и поучительны сюжеты, связанные с позицией и деятельностью национальных элит, а также ролью языковой политики не только в преобразовании самих образовательных систем, но и в целом в интеграции поликультурного мира России на рубеже веков, от чего зависели единство, целостность и прогресс государства и его граждан самых разных национальностей и конфессий. Конфликтную основу обеих исследованных проектов Т.Ю. Красовицкая видит в отчуждении этноконфессиональных традиционных практик от государства, когда оно расценивается не как

инструмент, а как ценность, что выводит на критическую оценку современного опыта реформы образования в России [3.С.587-588]. Действительно, в кризисные периоды такой конфликт наверняка почти неизбежен. Но, видимо, трудная перспектива должна состоять в общем подходе к государству и со стороны этноэлит, и со стороны политиков, поскольку и те, и другие (нередко объединяясь в статусе)представляют одну страну: государство Российское есть и незыблемая ценность, и непременный инструмент в любых модернизационных проектах, если приоритетом при этом служат интересы общества и гражданского мира.

Проблема самоидентификации страны как согражданства и как международного фактора в кризисную пору становится крайне острой. Об этом свидетельствуют не только все содержание и обстоятельный анализ, проведенный Т.Ю. Красовицкой в рецензируемой монографии.

Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко в своей новой книге рассматривают исторические сюжеты во взаимосвязи с современными проблемами национальной политики и нациестроительства [4]. Целый ряд вопросов, затронутых ими, пересекается с теми, что освещает Красовицкая, на примере одного из самых сложных регионов России. В то же время расширенные хронологические и тематические рамки позволили авторам обратиться к социокультурным аспектам: как Кавказская и Великая Отечественная война отражаются в мемориальном пространстве и культуре региона, как национальная идентичность конструируется под влиянием исторического знания об этих кризисных периодах в прошлом нашей страны. Способно ли такое знание о собственном критическом прошлом стать не только конструирующей, но и конструктивной силой, позволяющей консолидировать общество вокруг позитивных смыслов и целей?

Книга Т.П.Хлыниной и Е.Ф.Кринко

На большом числе примеров о памятниках историческим деятелям, создании новой топонимики, выставках, современных мультимедийных инструментах показано, как в разные периоды менялись местами герои и жертвы Кавказской войны, влияя на этнический и эмоциональный фон социально-политических отношений в регионе. Повышенное внимание в республиках Северного Кавказа к Великой Отечественной войне историки объясняют как самими историческими событиями, так и их общественным восприятием. Освещая хронологию возведения памятников, мемориальных комплексов, музейных экспозиций и т.п., они отмечают: «Осознание героического прошлого народа, воспоминания о совершенных его представителями подвигах являются необходимой основой для формирования национальной идентичности. Но еще в большей степени этому способствует память о понесенных жертвах» [4.С. 271]. Следовательно, именно кризисные ситуации, прежде всего связанные с трагедией депортации ряда народов региона, служат, по мнению авторов, наиболее важными средствами этноидентификации. Вряд ли можно с этим

согласиться: признание собственного народа лишь жертвой неких чуждых, находящихся за пределами этносообщества сил не может стать стимулом и инструментом возвышения национального чувства и социального оптимизма, а без них двигаться вперед невозможно. Впрочем, в книге говорится, что канализация скорби через институционализацию травмирующих воспоминаний не только создает «определенные проблемы во взаимоотношениях северокавказских этносов между собой и с другими народами, но и осложняет перспективы их собственного развития», а также сделан вывод о крайней недостаточности опыта «переработки прошлого в музейных и мемориальных формах на Северном Кавказе» [4.С.280].

Совсем другой пример «антикризисной» научной литературы представляет коллективный труд Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования [5]. Этот Центр известен активной экспертной аналитикой актуальных проблем современности, причем позиция его сотрудников всегда артикулируется вполне отчетливо, как и в данной монографии. Авторы рассматривают историю мировых финансовых кризисов, в том числе, дают свой диагноз экономической модели России в связи с кризисом 2008 года; предлагают объяснительную модель управляемого мирового кризиса; анализируют мировые и национальную финансовые системы, а также мировые проекты валютной системы и ФРС США; уделяют пристальное внимание международным финансовым структурам и управлению. Заключительные главы книги посвящены контрфакторам перехода к справедливой системе мировых финансов и международному измерению политики противодействия «новому мировому порядку».

Коллективный труд Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектировании.

В самом начале книги четко обозначена доказываемая гипотеза: «определенные масштабные кризисы общественного развития имеют в своей основе волевое происхождение, и в той мере, и в том историческом периоде, в которой и в котором превалируют узкокорыстные и стяжательские мотивы меньшинства человеческого сообщества». И финансовому кризису они тоже дают собственное определение. Прежде всего это резко возникший дефицит оборотных финансовых средств [5.С.5,7].Анализируя разные аспекты и детали всех выше перечисленных тем, приводя многочисленные данные из мировой литературы и большие статистические материалы, авторы использовали «специальные методы кластерного анализа и многофакторного распознавания образов, способы установления иерархии причинно-следственных связей и декомпозиции проблем до уровня технологически разрешимых (политически, финансово и экономически) задач» [5.С.17].

Так, анализируемый исторический материал (за XVIII-XXI вв. их выделено 40 с определением масштаба и характера, географии, причин,

проявлений в социально-экономической и финансовой сферах) нацелен на выявление скрытого механизма манипулирования кризисными ситуациями в мире, с указанием общего и особенного, мировых и локальных трендов. Авторы на конкретных данных и многочисленных примерах и расчетах, систематизированных в виде таблиц, графиков и схем, апеллируют«к феномену глобального паразитизма и угроз миру со стороны США» [5.С.51].

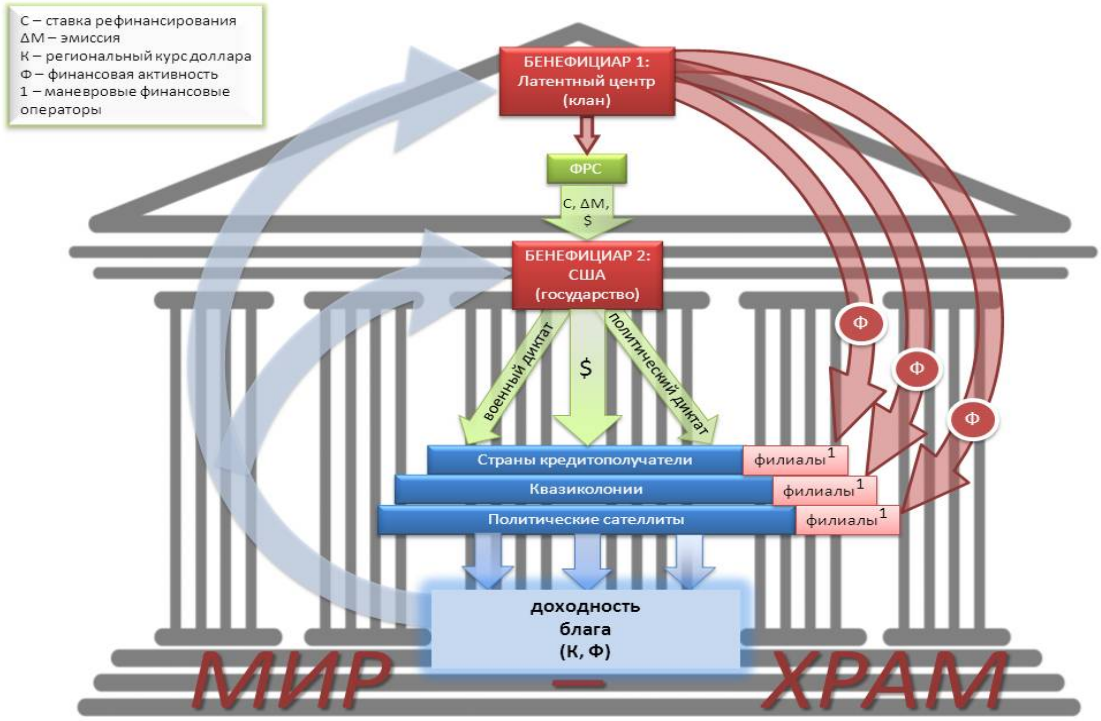

Схема мировой системы, управляющей мировыми кризисами

Взаимосвязь финансовых кризисов, войн и социально-политических кризисов выявляет, как показано в книге, связь участия США в военных конфликтах с экономическими и финансовыми интересами: за 1945-2003 гг. США приняли участие в 63 военных конфликтах. Оказалось: больше военных конфликтов приходится на период кризисов и выхода из них. Значительно в меньшей степени военные конфликты предшествуют кризисам. Т.е. «скорее не войны являются причинами кризисов, а именно кризисы порождают войны и конфликты как способ их разрешения» [5.С.62-71, 79]. Весьма интересны также данные о роли СМИ и информационных

войн в отношении финансовых систем. Авторы предлагают схему мировой системы, управляющей мировыми кризисами [5.С.163].

Обращаясь к относительно недавнему прошлому, они делают вывод: «В результате поражения в Холодной войне СССР в мире сформировалась односторонняя конфигурация доминирования западной цивилизации, цели и ценности которой стали проявляться с очевидностью, демонстрируя свою главнейшую особенность, а именно, стремление к сетевому управлению миром все в тех же глобальных стяжательских целях. Переход прошел от колониальной к неоколониальной, от расистской к неорасистской, от военно-экспансионной к экономической сетевой форме присвоения» [5.С.557]. Судя по последним событиям в соседней Украине, в случае неудовлетворенности их результатами, США не прочь вернуться и к активизации военных усилий, и чрезвычайную опасность такого варианта, кажется, начали осознавать их европейские союзники.

Интерес представляет и проведенный в книге сравнительный анализ экономического развития стран, пользовавшихся кредитами МВФ, и стран, не прибегавших к таким займам, при этом находящимся в одном региональном ансамбле стран. Вывод: в странах, пользовавшихся кредитами, ситуация относительно стран, не кредитовавшихся, ухудшается. В странах, пользовавшихся кредитами, ситуация относительно стран, не кредитовавшихся, ухудшается. При этом международные финансовые регуляторы, организации и избранные методы регуляций скорее всего действительно обслуживают интересы узкой наднациональной группы [5. С.579, 582, 592].

Для россиян, пожалуй, особенно важны оценки отечественной ситуации. Здесь авторы суровы: управление валютными курсами неизбежно ставит «вопрос об эффективности применяемых Банком России методов и инструментов денежно-кредитной политики и адекватности самой ее

концепции требованиям современной экономики в условиях финансовой глобализации. Пока посткризисное развитие денежной системы России свидетельствует о том, что основные факторы риска, которые усугубили в России кризис 2008 года, сохраняются. Заявленный курс на модернизацию практически ничего не поменял. Уроков из кризиса не извлечено, а, значит, новые кризисы неизбежны» [5.С.365].

Авторы предлагают свою схему реформирования мировой финансовой системы в смысле утверждения справедливого порядка международного взаимодействия. Так, новую моновалютную систему следует вывести из-под паразитарной системы доллара, ФРС, США и Запада, учитывая возможность существования бивалютной системы; нужны параллельные институты с функциями социально-гуманистического свойства [5.С.632-633].

Несмотря на критическую оценку финансовых мероприятий правительства и Центробанка России к началу 2010-х годов, авторы книги нацелены на выявление оптимальных путей обеспечения устойчивого, независимого экономического прогресса РФ на основе объективного учета ее исторического багажа, цивилизационной сущности и предназначения. В этой связи стоит привести достаточно большую цитату из рецензируемой книги: «С одной стороны, она не может стать региональной державой, т.к. по геополитическим законам ее «региона» не существует. Россия, пока она от Днепра до Тихого океана, и от северного полюса до континентального ядра, является субъектом мирового уровня. И изменить ее таковую субъектность – означает попросту ее расчленить. Россия не может воспринять западную форму имперскости, колониальной и неоколониальной парадигмы государственности в силу своей цивилизационной принадлежности к принципиально иному типу государственности. Типу собирающей, интегрирующей империи или государства-цивилизации. Утрата или замена этого типа невозможны без геополитического разрушения страны.

Фундаментальность этого обстоятельства, наверное, такая же, как если корову заставлять питаться мясом, а тигра сеном.

У страны такого типа нет возможности идти путем западного неоколониализма и паразитирования на остальном мире. И войти на условиях сателлита в западный геополитический альянс Россия также не может. На обоих путях ее ждет историческая и геополитическая смерть.

Именно поэтому Россия может быть только самодостаточной в экономическом смысле и постиндустриальный псевдонаучный концепт, под которым понимаются кальки с запада, для нее неприменим под угрозой и страхом геополитической смерти» [5.С. 623-624].

Как бы ни разнились, на первый взгляд, рецензируемые труды, есть то, что объединяет сегодня отношение к ним: кризисы в прошлом и злободневная кризисная ситуация не являются неразрешимыми для нашей страны даже в самых тяжелых обстоятельствах. Их успешное преодоление возможно при консолидации элит, политических и гражданских сил и институтов страны при сохранении верности базовым традиционным ценностям России, которые никак не противоречат мировому согласию и прогрессу, а лишь поддерживают их, при обеспечении независимости и самодостаточности нашей страны как важнейшей международной силы. Как сказал Президент РФ В.В. Путин, сегодня «есть попытка сдержать наше развитие различными средствами, есть попытка заморозить существующий, сложившийся за последние десятилетия после развала Советского Союза миропорядок во главе с одним безусловным лидером, который хочет в качестве такого и остаться, полагая, что ему можно всё, а другим можно то только, что он разрешит и только в его интересах. Такой миропорядок Россию никогда не устроит» [6].

Литература

1. Conflictsinthe 21stCentury / LuciaAnnunziata, MartaDassu (eds). Roma: AspenInstituteItalia. 2002. 190 p. Авторы: S. Cingolani, P. Collier, R. Cooper, M.

Dassщ, B. Gill, C. Jean, W. Laqueur, S. H. Leader, S. E. Miller, O. A. Otunnu, T. B. Seybolt, G. Sick, R. Smith, J. Solana, D. Trenin, K. West.

2. См., к примеру: Аманжолова Д.А. Патриотический подъем народов в борьбе с фашизмом в 1941-1945 гг.: общее и особенное // Патриотизм – составляющая государственной национальной политики России: теория, практика. М.: Голден-Би, 2010.С. 143-190; Аманжолова Д.А. Братских народов союз вековой: новое испытание на зрелость // Современные проблемы сервиса и туризма. 2011. № 1. С. 8-16; Базанов С.Н. Великая война: как погибала Русская армия. М.: Вече, 2014. 384 с.; Великая Отечественная война. 1944 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Издательство ГБУ «ЦГА Москвы», 2014. 704 с.; Джанджугазова Е.А. Гайдаровский форум-2015 – день первый. [Электронный ресурс] //URL:http://futureruss.ru/news/gajdarovskij-forum-2015-den-pervyj.html(дата обращения: 8.02.2015); Ее же. Гайдаровский форум-2015 – день второй. [Электронный ресурс] //URL:http://futureruss.ru/news/gajdarovskij-forum-2015-vtoroj-den.html(дата обращения: 8.02.2015); Ерофеев Н.Д. Российская монархическая государственность на последнем этапе истории (20 октября 1894 г. – 3 марта 1917 г.): сборник документов. М.: ИРИ РАН. 2014. 607 с.; Земсков В.Н. Народ и война: Страницы истории советского народа накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938-1945. М., 2014. 288 с.; Лукин А.В., Лукин П.В. Умом Россию понимать. М.: Весь мир, 2015. 384 с.; Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 982 с.; Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. В 3 томах. М.: РОССПЭН, 2014; Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства. М.: Новый хронограф, 2012.448 с. и др.

3. Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX – начало (20-е годы) XX в. М.: Новый хронограф, 2011. 680 с.

4. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 434 с.

5. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Аверкова Н.А., Багдасарян В.Э., Богдан И.В.,Вершинин А.А., Генюш С.В., Деева М.В., Коробкова А.Ю., Куропаткина О.В.,Орлов И.Б., Сафонова Ю.А., Сулакшина А.С., Шестопалова А.В.Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Феноменология, теория, устранение /Под общ.ред. С.С.Сулакшина. М.: Научный эксперт, 2012. 652 с.

6. Путин В.В. Выступление на съезде Федерации независимых профсоюзов России 7 февраля 2015 г. Сочи. [Электронный ресурс] //URL:http://www.kremlin.ru/news/47636 (дата обращения: 8.02.2015).